

УДК 347.9(470.331)(093.3) «18/19»

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ НА РУБЕЖЕ
XIX – XX ВЕКОВ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Д.А. СКУЛЬСКОГО
О СЛУЖБЕ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

Т.И. Любина

Государственное бюджетное учреждение Московской области «Государственный архив историко-политических документов Московской области»

С.Н. Смирнов

Институт непрерывного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тверской государственный университет»

Рассмотрены отдельные вопросы деятельности правоохранительных органов России в конце XIX – XX в. , включая ведомственное взаимодействие и служебные преступления государственных служащих на примере Тверской губернии, на основании воспоминаний Д.А. Скульского.

Ключевые слова: воспоминания, Тверская губерния, судебное ведомство, следствие, прокуратура, нотариат.

В отечественной правовой и исторической науке «индивидуальное» долгое время находилось вне поля научного поиска. Доминировал интерес к «общественному», точнее, к «государственному». В настоящее время идет процесс гуманизации общественных наук, наблюдается переориентация внимания на личность и ее субъективный социальный опыт. Но историков по-прежнему привлекают прежде всего выдающиеся личности. Обычные люди в лучшем случае остаются неназванными компонентами различных социальных групп (сословий, классов и т. п.), в худшем – безликой серой массы, толпы. Между тем именно они в значительной степени определяли ход исторического процесса. Принимая предложенные им властью «правила игры», «обычные люди» вырабатывали свои индивидуальные жизненные стратегии, преодолевали, обходили или разрушали воздвигнутые на их пути препятствия. Подобные «микрорешения», повторяемые в миллионах судебных, оказывали существенное влияние на ход истории. К категории «обычных людей» можно

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта, поддержанного грантом РГНФ и Правительства Тверской области №13-11-69004 а(р).

причислить и большую часть провинциального чиновничества конца XIX – начала XX в., включая служащих правоохранительных органов.

Важнейшими источниками, позволяющими проникнуть в их мир, взглянуть на него изнутри, являются источники личного происхождения: дневники, письма, воспоминания. Львиная доля их не дошла до исследователей, была уничтожена или осела в домашних архивах потомков. С большой долей уверенности можно предположить, что изначально эти материалы существовали – многие чиновники собирали и хранили документальные свидетельства своего прошлого, пробовали вести дневники, писать мемуары. К числу авторов, чьи воспоминания сохранились и доступны исследователям, принадлежит Дмитрий Аркадьевич Скульский.

Д.А. Скульский, окончив в 1897 г. юридический факультет С.-Петербургского университета, был зачислен на службу кандидатом на судебные должности при Московской Судебной палате. В период с 1899 по 1904 г. он служил в Кашинском окружном суде, в том числе с 1901 г. – в должности судебного следователя. В 1904 г. Скульский перешел в Ярославский окружной суд на должность исправляющего должность судебного следователя 1-го участка Рыбинского уезда. Одновременно с государственной службой, Дмитрий Аркадьевич вел активную общественно-политическую деятельность: избирался гласным Рыбинского уездного и Ярославского губернского земских собраний, участвовал в организации Рыбинского отдела Конституционно-демократической партии. В 1906 г. Скульский стал депутатом I Государственной Думы, вошел в *Конституционно-демократическую фракцию*, в 1907 г. за подписание «*Выборгского воззвания*» был предан суду, приговорен к трем месяцам заключения и лишен избирательных прав.

Февральские и октябрьские события 1917 г. застали Скульского в Ярославле. В 1918 г. он переехал в Тверскую губернию, где проживал до 1922 г., работал в различных кооперативных организациях. В 1922 г. Дмитрий Аркадьевич вновь переехал в Ярославскую губернию, вступил в Ярославскую коллегию защитников, работал сначала в Любиме, а с 1925 г. в Ярославле, став членом ее правления.

В 1930 г. Скульский был исключен из коллегии защитников, а чуть позже арестован ОГПУ, осужден и отправлен на пять лет в Соловецкие лагеря. В 1934 г., после досрочного освобождения, он поселился у родственников а Костроме, где работал юрисконсультom машиностроительного завода. В период Великой Отечественной войны переехал в Рыбинск, где скончался 3 февраля 1943 г. В 1989 г. Д.А. Скульский был реабилитирован.

В 1908 г., находясь в заключении, Скульский написал воспоминания «*Девять лет в судебном ведомстве*» о периоде своей жизни с окон-

чания университета до избрания в I Государственную Думу (1897 – 1906 гг.). Воспоминания, которые представляют собой четыре рукописные тетради объемом более тысячи страниц, хранятся в Государственном архиве Тверской области (далее – ГАТО). Основное внимание автор уделил различным элементам судебной системы, которую хорошо знал изнутри, подмечал ее достоинства и недостатки.

Кашинский судебный округ, где служил Скульский, включал пять уездов Тверской губернии (Кашинский, Бежецкий, Калязинский, Корчевской, Весьегонский) и два уезда Ярославской губернии (Мышкинский и Угличский). Назначением на должность судебного следователя 2-го участка Бежецкого уезда Скульский был доволен. «Жизнь в городе, находящемся на превосходном железнодорожном пути, вблизи своей родины и обеих столиц, – пишет он в мемуарах, – стоило бы променять только или на повышение или на перевод в хороший губернский город»¹.

В каждом уезде было по 1–2 следственных участка. Количество участков зависело от величины уезда и численности населения. В Тверском и Кашинском округах было по 11 участков, в том числе в Тверском, Новоторжском, Вышневолоцком, Ржевском, Бежецком, Весьегонском, Корчевском и Угличском уездах по два участка, в остальных – по одному².

Поскольку следствием руководил прокурорский надзор, следователи находились в определенной зависимости от прокуратуры. По закону начальством судебного следователя являлся окружной суд, а не прокурор, но, по наблюдению Скульского, «так как вся деятельность судебного следователя происходила на виду у прокуратуры, – то естественно, что служебное тяготение судебных следователей совершалось никак не в сторону его прямого начальства – окружного суда, а в сторону прокурорского надзора»³. Суду принадлежали право представления на вакантные должности и некоторая дисциплинарная власть в отношении следователей. Представления кандидатов на открывавшиеся вакансии принимались в общем собрании отделения окружного суда «в присутствии прокурора», однако окончательное решение о назначении на должность было за председателем судебной палаты и управляющим Министерством юстиции. Нередко «представления» окружных судов остава-

¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 150.

² Памятная книжка и адрес-календарь Тверской губернии на 1895 год. С. 47–48; Адрес-календарь Тверской губернии на 1899 год. С. 33–34; Адрес-календарь Тверской губернии на 1904 год. С. 41; Памятная книжка Ярославской губернии на 1905 год. С. 155, 156, 231, 232.

³ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 59 об.

лись без внимания и все решали связи кандидатов и протекция⁴. Инициатива дисциплинарных производств в отношении судебных следователей «всегда исходила от прокурора, если он не допускает, то и суд не станет никогда раскапывать упущений в деятельности следователей»⁵.

По мнению Скульского, зависимость следователей от прокуратуры негативно сказывалась на характере следственной работы. Прокуратуре было свойственно жесткое иерархическое подчинение: товарищей прокурора – прокурору окружного суда, прокуроров судов – прокурору судебной палаты, прокуроров палат – генерал-прокурору (министру юстиции). В этой «стройной лестнице подчинений» недопустимы были никакие отдельные мнения или самостоятельные суждения. Здесь главенствовал один принцип – «потрудитесь делать так, как приказывает начальство, и не рассуждать»⁶. Этому же прокуратура требовала и от следователей. Любая их попытка высказать собственное мнение, отличное от прокурорского, отказаться от исполнения «предложения» прокуратуры расценивалась как посягательство на права и достоинство последней и могла стоить следователю карьеры⁷.

Основой для давления прокуратуры на следователей стала «политика неутверждений», начавшаяся в 1870-е гг. По Судебным уставам 1864 г. «утвержденный в должности» судебный следователь мог быть смещен только по судебному приговору⁸, «исправляющего должность» следователя достаточно было причислить к Министерству юстиции, что было равносильно увольнению. В конце XIX в. в Кашинском окружном суде из 10 судебных следователей 9 были «исправляющими должность», в Тверском окружном суде таких было 8 из 10⁹. Благодаря этой мере следователи находились в полном подчинении у прокуратуры. Это оказывало разлагающее влияние на следователей и вырабатывало, по мнению Д.А. Скульского, тип людей «чего изволите», «что прикажите» и «рады стараться»¹⁰.

Следовательские камеры находились чаще в уездном городе, реже – непосредственно на территории участка, иногда в непригодных помещениях. Например, канцелярия судебного следователя 1-го участка Бежецкого уезда В.А. Балашева размещалась в одной из комнат занимаемой следователем и его семьей квартиры. Канцелярия не имела отдельного входа, и двери ее никогда не запирались. Для свидетелей была

⁴ Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 264. Л. 37.

⁵ Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 59 об.

⁶ Там же. Д. 901. Л. 31 об.–32.

⁷ Там же. Д. 902. Л. 97 об.

⁸ ПСЗ–II. Т. 39. № 41476.

⁹ Адрес-календарь Тверской губернии на 1898 год. С.29.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 6.

отведена отдельная небольшая комнатка рядом с кухней. В канцелярии не было никаких специальных хранилищ для дел, книг и вещественных доказательств. Все это хранилось на рабочем столе, окне, а то и прямо на полу¹¹.

Работа следователя была связана с частыми разъездами. По закону свидетель должен был допрашиваться следователем не более чем за 15 верст от его постоянного места жительства. Скульский отмечает, что следователи зачастую уклонялись от исполнения этого требования, вызывая свидетелей в свою камеру. «В одном городе, – пишет автор, – вспоминали про следователя, который ввел правило вовсе не ездить в уезд и, говорят, даже однажды справлял годовщину отсутствия служебных поездок»¹². Однако для большинства чиновников «работа в уезде была тяжелая, не разгибая спины, – с раннего утра и до позднего вечера... В течение года, – вспоминает Скульский, – мне приходилось проводить в уезде около 70–75 дней, наезжая свыше 3 тыс. верст»¹³.

Помимо допросов свидетелей, осмотров мест преступления и прочих разъездов, связанных с предварительным следствием, следователи совершали регулярные «профилактические» поездки в наиболее криминальные пункты участка – крупные торгово-промышленные села, места большого скопления населения, а также камеры земских начальников, квартиры станковых приставов.

Бытовые условия во время разъездов оставляли желать лучшего. «Питание – чай с баранками да какое-нибудь сухоедение, захваченное из города, вроде сыра или колбасных продуктов, от чего к концу путешествия ощущается внутри нечто вроде камня. О чем-нибудь “горяченьком”, вроде, например, тарелки щей, тщетно приходилось мечтать, как о каком-нибудь божественном нектаре»¹⁴. Результатом частых простуд при поездках «в весеннюю и осеннюю распутицу» становились хронические заболевания дыхательной системы и ревматизм. «Российский гений, – замечает Скульский, – не изобрел еще такого экипажа, в котором можно было в эти числа (конец марта – первые числа апреля. – Авт.) совершать передвижения в уезде. Когда же случаются (неотложные дела. – Авт.) – следователи купаются в зазорах и проваливаются в ручьях, подхватывая простуду и жертвуя здоровьем»¹⁵. Особенно колоритно Скульский описывает «ночевки в волостных правлениях... никаких кроватей не полагалось, а составлялись две-три лавки, на которые в лучшем случае клалось сено, чаще же всего постель раскидывалась

¹¹ Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 110. Л. 90.

¹² Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 168,169.

¹⁴ Там же. Л. 173 об.–174.

¹⁵ Там же. Л. 135.

прямо на полу, и, если нельзя было достать сена, то расстилался свой походный тулуп или армяк. Волостные правления в преобладающем большинстве – настоящие клоповники.¹⁶ ... В этой райской обстановке доводилось часто проводить ночи по три».¹⁷

Сложность и интенсивность следовательской работы зависели от специфики уезда, количества и характера совершаемых преступлений. Спокойные уезды (например, Корчевской) давали не более 50 дел в год, сложные (Вышневолоцкий, Бежецкий) могли дать более 300, в среднем – около 200¹⁸. От 50 до 90 % всех дел составляли кражи. Раскрываемость преступлений была невелика. Например, в 1901 г. в округе Тверского суда 53 % следственных дел были прекращены по ст. 277 (за не обнаружением виновных)¹⁹. Сказывались и низкая квалификация следователей, и плохое качество полицейской работы, и отсутствие единства в действиях чиновников.

Судебные следователи обладали большой властью в отношении подозреваемых – властью «вязать и разрешать»²⁰. Попытка Министерства юстиции ограничить взятие под стражу как меру пресечения (циркуляр 1901 г.) не встретила понимания и поддержки в судебном ведомстве²¹. В результате для недобросовестных следователей «человеческая жизнь, – по словам Скульского, – становилась весьма эластичным объектом для всякого рода уголовных экспериментов», они с удивительной легкостью обращались с людскими интересами, подчас создавая преступления там, где «никакого намека на них не было»²².

Контроль за деятельностью судебных следователей осуществляли прокуратура и окружной суд. Прокуроры и члены окружных судов производили периодические ревизии делопроизводства судебных следователей²³. Ревизии носили, как правило, формальный характер и сводились к проверке правильности ведения книг и отчетности²⁴. Судебные следователи вели настольные реестры, журналы входящих и исходящих

¹⁶ Там же. Л. 173.

¹⁷ Там же. Л. 173 об.

¹⁸ Там же. Ф. 524. Оп. 1. Д. 634. Л. 5; Ф. 661. Оп. 1. Д. 110. Л. 90.

¹⁹ Там же. Л. 13–14.

²⁰ Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 15–15 об.

²¹ «Другого такого же гласа вопиющего в пустыне, – вспоминал Д.А. Скульский по поводу циркуляра 1901 г., – я не привидывал ... русское судебное ведомство отнеслось к этому циркуляру, как будто он издан не русским министерством для России, а каким-нибудь, но, хоть японским для страны восходящего солнца: – когда его прочли в газетах, то всякий про себя решил: “это не про нас писано”» (ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 20 об.).

²² Там же. Л. 54 об.

²³ Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 110. Л. 90.

²⁴ Там же.

бумаг, денежные книги, книги вещественных доказательств, книги отдельных требований, купонные книги, наряды отчетности, циркуляров и общей переписки, книги справок о судимости. Некоторые следователи в целях экономии не нанимали письмоводителя, вели книги и всю переписку самостоятельно, что отражалось на качестве как делопроизводства, так и собственно следовательской работы.

В своей деятельности судебные следователи взаимодействовали с полицией, проводившей дознание. От расторопности, опыта и сыскных качеств урядников и становых приставов, по мнению самих судебных следователей, во многом зависел результат следственной работы. Однако согласованность в действиях полиции и судебных следователей нередко отсутствовала. В 1900 г. тверской губернатор вынужден был направить уездным исправникам и полицмейстеру Твери специальный циркуляр, предписывавший полиции при производстве дознаний своевременно передавать дела судебной власти и доносить прокурорскому надзору. Поводом к вмешательству губернатора стали неоднократные нарушения полицией установленного порядка передачи информации судебным следователям и прокуратуре²⁵.

Судебным следователям приходилось также контактировать с земскими начальниками (по поводу передачи дел, подсудных общим судебным установлениям), акцизными чиновниками (по поводу нарушений акцизных уставов), а также с уездным земством (по вопросу об обеспечении лошадьми или разъездными суммами). У земских начальников стремление отпихнуть от себя и переложить на следователя наиболее сложные и запутанные дела²⁶ сочеталось с попытками вмешательства в дела, подведомственные окружным судам²⁷.

Отношения с земством в значительной степени зависели от характера личных связей (доброжелательных или враждебных), которые складывались между чиновниками судебного ведомства и той группой местного дворянства, которая верховодила в земстве. В случае если эти отношения накалялись, земство могло существенно осложнить работу судебных следователей, как это произошло в Кашине в 1899 г.²⁸

В меньшей степени следователи контактировали с должностными лицами сельского и волостного управления. Они вели дела по должностным преступлениям этих лиц (взятки, растраты и т. п.), поступавшие от земских начальников. Кроме того, следователи пользовались содействием волостных старшин и писарей при вызове свидетелей, проведе-

²⁵ Там же. Ф. 524. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–2 об.

²⁶ Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 904. Л. 95.

²⁷ Там же. Ф. 488. Оп. 1. Д. 59. Л. 26–26 об.

²⁸ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 12583. Л. 292, 314; Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 144 об., 145, 147, 148 об.

нии предварительного следствия. Иногда должностным лицам крестьянского управления, особенно писарям, приходилось брать на себя функции переводчиков, например, при общении чиновников с населением карельских деревень²⁹, да и сам допрос свидетелей чаще всего проводился следователями в помещении волостного правления.

С упразднением в 1889 г. мировой юстиции принцип выборности в сфере судопроизводства был ограничен только комплектованием присяжных заседателей при окружном суде. Функции прежнего выборного мирового судьи распределялись между несколькими назначаемыми (Министерством юстиции, Министерством внутренних дел или судебной палатой) чиновниками: городским судьей, уездным членом окружного суда и земским начальником³⁰.

В городах все мелкие дела (гражданские иски ценой не свыше 300 руб. и уголовные проступки, предусмотренные мировым уставом) отошли к городским судьям. Юридическую основу их деятельности составляли «Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям», изданные 29 декабря 1889 г.³¹

В Тверской губернии институт городских судей появился в 1891 г. с введением «Положения о земских участковых начальниках». Количество участков в городе зависело от численности населения. По два участка было только в Твери и Ржеве, в остальных уездных городах – по одному³².

В судебной практике городских судей уголовных дел было вдвое больше, чем гражданских, причем тех и других «бывало до 600 – цифра самая ничтожная»³³. В 1903 г. у городского судьи Бежецка значились по настоящему реестру за 5 месяцев 266 уголовных дел и 164 гражданских; в 1904 г. за 8 месяцев – 362 уголовных и 337 гражданских³⁴. Среди уголовных дел преобладали нарушение общественной тишины, оскорбление нижних чинов городской полиции, нарушение различных обязательных постановлений, санитарные провинности, дела об обидах между частными лицами, изредка мелкие кражи, нарушения строительного устава и т. п. Гражданские дела составляли мелкие взыскания по векселям, распискам, дела о выселении из квартир, изредка – иски

²⁹ Там же. Ф.Р-570. Оп.2. Д.903. Л.159.

³⁰ Часть функций прежнего мирового суда отошла волостным судам (ПСЗ–III. Т.9. № 6196).

³¹ ГАТО. Ф.Р-570. Оп.2. Д.902. Л. 101об.–102.

³² ПСЗ–III. Т. 11. № 7775 (штаты); Памятная книжка и адрес-календарь Тверской губернии на 1895 год. С. 37, 39; Адрес-календарь Тверской губернии на 1904 год. С. 41.

³³ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 113 об.

³⁴ Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 104. Л. 62, 84.

о восстановлении нарушенного владения и иски по всякого рода обязательствам³⁵.

В порядке надзора городской судья был подчинен окружному суду и Министерству юстиции³⁶, на практике, по наблюдению Д.А. Скульского, он стоял «совершенно особняком от своего собственного ведомства»³⁷. Окружной суд плохо знал и слабо контролировал деятельность городских судей. Контроль ограничивался получением цифровых ведомостей о движении дел в участках и проведением ревизий. Однако отчетные ведомости проверялись лишь с формальной стороны – техники их составления (требовалось, чтобы итоговые данные одних ведомостей не противоречили другим). Ревизии проводились крайне редко и «ревизовали, как это большей частью бывает с казенными ревизорами, совсем не то, что надлежало»³⁸. Что касается характера деятельности городских судей, то с ним окружной суд часто был мало знаком, поскольку их практическая работа протекала вне связи с другими судебными местами. В порядке инстанций городские судьи были подчинены «учреждению совершенно для себя постороннему, состоявшему в Министерстве внутренних дел – уездному съезду»³⁹. Уездный съезд обладал правом доводить до сведения окружного суда о неправильных действиях городского судьи, «но для этого надо было чем-нибудь отличиться особенным», поэтому случаи использования съездом своего права были крайне редки, если не сказать единичны и исключительны. Д.А. Скульский за пять лет работы в Кашинском окружном суде приводит только один известный ему «случай применения так называемой 10-й статьи правил судоустройства; случай этот был в Угличе, где съезду приходилось сталкиваться чуть ли не с взяточничеством: дело кончилось изгнанием городского судьи со службы»⁴⁰. Когда в 1893 г. в распорядительном заседании Корчевского уездного съезда был предложен к рассмотрению «вопрос о медленности ... городского судьи», один из земских начальников заявил, что «это донос ... что доносить на своих товарищей низко ... вырвал из рук председателя журнал присутствия и, разорвав его, бросил на пол»⁴¹. Следующая инстанция (губернское присутствие) была еще более далека от судебного ведомства.

В результате при обилии вышестоящих инстанций различных ведомств для должности городского судьи было характерно фактическое

³⁵ Там же. Ф.Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 113.

³⁶ ПСЗ–Ш. Т. 9. № 6196. II. Ст.7,11.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 118.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 117, 117 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Ф. 488. Оп. 1. Д. 212. Л. 1–1 об.

безначалие, «единственное начальство у него – это своя собственная совесть»⁴².

Назначаемые «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» уездные члены окружных судов сочетали деятельность в судебных присутствиях уездных съездов с единоличными судебными функциями. Они непременно присутствовали на всех заседаниях съезда, часто замещали предводителя дворянства на посту председателя, готовили резолюции, а стало быть, несли львиную долю ответственности за неправильно принятые, ошибочные решения. Уездный член, по замечанию Скульского, как бы «отождествлял в своем лице апелляционный орган местного суда»⁴³. Это наблюдение подтверждается рядом других документов. Так, например, в жалобе на действия уездного члена Кашинского окружного суда В.Д. Сорокоумовского, поданной в Сенат в начале 1907 г., крестьянка Е. Михеева отметила, что ей долго не удавалось получить копию решения уездного съезда, т. к. уездный член, уезжая на 2 дня в отпуск, «воспретил канцелярии Съезда выдавать без себя просительнице копию решения»⁴⁴. На практике в соответствии с законом ответственным считался весь съезд, что означало фактическую безответственность.

Принимая решения, уездный член не имел возможности посоветоваться с кем-либо из членов судебного присутствия уездного съезда по профессиональным вопросам ввиду их полной юридической некомпетентности. Поэтому ему приходилось совмещать в себе «целую энциклопедию знаний по части общегражданского, крестьянского и уголовного права»⁴⁵, уметь разбираться в обычном праве, быть знакомым с законами о сельском состоянии и с практикой по ним Сената.

Уездный член обладал весьма разнообразной и широкой гражданской компетенцией. Кроме «заурядных исков» от 300 до 500 руб., в нее входили наблюдение за судебными приставами, ревизии городских судей, судебных следователей, нотариусов и различные поручения по гражданским делам от окружных судов, а также взыскания в порядке упрощенного судопроизводства и даже «некоторые функции по охранительным делам»⁴⁶.

В случае если в уезде возникало «соперничество, взаимное перетягивание судебных и административных чинов», отступать приходилось уездному члену. Д.А. Скульский описывал случай травли уездной администрацией, во главе с предводителем дворянства, уездного члена

⁴² Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 116 об.

⁴³ Там же. Л. 124 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 326. Л. 39.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 122 об.

⁴⁶ Там же. Л. 124 об.; ПСЗ–III. Т. 9. № 6196. II. Ст. 35.

Кашинского окружного суда. Обсудив на экстренном заседании «незаконные действия» уездного члена, съезд постановил информировать окружной суд. Не удовлетворившись этим, уездная администрация путем доносов добилась для уездного члена внезапной ревизии из министерства. Несмотря на то что ревизия дала самые благоприятные результаты, уездный член решил «отойти от зла» и попросил о переводе в другой уезд или губернию⁴⁷. Специфика уездной жизни не позволяла окружному суду эффективно защитить своего чиновника, служившего в уездном городе, от травли и преследований со стороны местной администрации. Сознание этого было одной из форм давления на уездного члена и, безусловно, сказывалось при принятии решений.

Возможности для околозаконных злоупотреблений были не только у нотариусов, но и у других чиновников судебного ведомства. Непродуманность марочной отчетности и контроля за ней создавали условия для злоупотреблений уездных членов, городских судей, равно как земских начальников и мировых судей, т. е. всех единоличных органов мировой и судебно-административной юстиции.

Постоянным источником дохода была экономия на канцелярских суммах, выдаваемых на найм помещений под камеры, канцелярии и письмоводителей. Некоторые судебные следователи, городские судьи не держали письмоводителей, оформляя всю документацию самостоятельно⁴⁸.

В качестве ненаказуемых злоупотреблений можно рассматривать и займы денежных сумм у местного населения, которые лишали судебных чиновников беспристрастности при решении дел. «Судья, влезаящий в долги у местных обывателей, – отмечал Скульский, – попадающий в лапы ростовщиков или становящийся в зависимость от местных торговцев – явление немногим лучше дореформенных Ляпкиных–Тяпкиных. Его судейской независимости хватает только на то, чтобы неллицеприятно разобрать дело о пьяном мужике, обругавшем на базаре городского»⁴⁹.

Еще одной формой злоупотреблений, к которой прибегали даже весьма высокопоставленные чиновники, такие, как уездные члены и товарищи прокуроров, было манипулирование с разъездными (командировочными) расходами⁵⁰. «По должности, – пишет Скульский, – я наблюдал очень занятный способ расчета прогонных денег за выезды уездного члена на разбор своих дел, практиковавшийся одним из лиц, занимавших эту должность. Едет он дня на 4 в уезд, в несколько лежащих по пути мест, а прогоны себе выписывает от города до каждого

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 130 об.–131.

⁴⁸ Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 110. Л. 90.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 108–108 об.

⁵⁰ Там же. Д. 904. Л. 126–126 об.

места и обратно. О «безгрешности» этой операции над казенными деньгами предоставляю судить тем, кому сие ведать надлежит»⁵¹.

Нередко «протягиванием руки под столом» грешили письмоводители судебных чиновников. Получая мизерное содержание, которые выделяли им чиновники «от своих скудных крох», письмоводители «за изготовление исполнительных листов и всяких бумаг обирали с тяжущихся сверх законно взимаемой платы четвертаки и полтинники»⁵². Судебным следователям уследить за этим было очень трудно.

Иногда письмоводителям, очевидно не без ведома судебного чиновника, удавалось обойти даже такое требование закона, как неразглашение результатов предварительного следствия. В 1897 г. в Тверском окружном суде был выявлен случай, когда письмоводитель судебного следователя Зубцовского уезда одновременно состоял частным поверенным при Ржевском уездном съезде и имел адвокатскую практику в Ржевском и Зубцовском уездах. Доступность частному поверенному «добываемого судебным следователем следственного материала» давала возможность использовать его при юрисконсультской деятельности, не поддававшейся контролю ни уездного съезда, ни прокурорского надзора⁵³. Подобное было возможно только в условиях разобщенности действий, несогласованности и разной ведомственной подчиненности судебных следователей и уездных съездов.

Таким образом, даже не прибегая к уголовно наказуемому явному взяточничеству, у чиновников судебного ведомства было немало способов для пополнения своего домашнего бюджета.

Материальные вопросы (размер содержания, «денежные счета» между сослуживцами, служебные злоупотребления и т. п.) занимают в воспоминаниях Д.А. Скульского не последнее место. Уже одно использование автором таких выражений, как «получаемые от казны гроши», «скудные крохи», «тощие следовательские карманы» и т. п., ясно свидетельствует о его мнении относительно размера служебного содержания. Часть вины за возможные злоупотребления чиновников Скульский относит на счет государства, которое не может обеспечить служащему и его семье приемлемого существования⁵⁴. «Семейному человеку кое-как можно было бы на это существовать... но и то лишь при одном непременно условии, если в семье все будут здоровы... но стоит в семье кому-нибудь серьезно заболеть (самый простой случай – неудачные роды жены) и надо ехать в специальную лечебницу, – тогда кончено: судьба

⁵¹ Там же. Л. 126-126 об.

⁵² Там же. Д. 902. Л. 111.

⁵³ Там же. Ф. 524. Оп. 1. Д. 624. Л. 12–13.

⁵⁴ Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 902. Л. 107 об. - 108 об.

бедняку по необходимости приходится лезть в долги...»⁵⁵. Наиболее «обиженными материально» из всех чиновников судебного ведомства Скульский считал следователей, к числу которых принадлежал и сам: с одной стороны, правительство, устанавливая оклад содержания, не учло многих неизбежных расходов, связанных с разъездами, с другой – Министерство постаралось переложить часть служебных расходов «исключительно на тощие следовательские карманы». В результате в год таких неучтенных затрат набиралось, по подсчетам автора, до 300 рублей⁵⁶. Сравнивая заработки государственных служащих и присяжных поверенных, Скульский отмечал их несоразмерность. «Настоящие знатоки-цивилисты, – пишет он о членах гражданского отделения окружного суда, – работали членами суда за 2200 целковых (в конце 90-х годов им накопили еще 500 рублей), не смея думать об улучшении своей участи... В адвокатуре они зарабатывали бы не одну, быть может, десятку тысяч рублей в год и жили бы в собственных каменных домах»⁵⁷.

При этом надо учитывать, что судебные должности были одними из самых высокооплачиваемых в системе местного управления.

Особенностью чиновников судебного ведомства была значительная пространственная мобильность (текучесть кадров). Некоторые чиновники, прослужив в губернии всего несколько месяцев, а то и недель, переводились в другие регионы.

Движение личного состава Кашинского окружного суда с апреля 1899 г. по август 1904 г.

Наименование должности	Количество вакансий по штатам	Число лиц, заним. последоват. эти вакансии	Сколько лиц осталось без продвижения	Число смертей
Председатель	1	1	1	0
Товарищ председателя	1	2	0	0
Член суда	5	11	1	3
Ст. нотариус	1	4	0	0
Уездный член	7	13	3	0
Городской судья	6	14	2	2
Судебный следователь	12	32	3	1
Прокурор	1	4	0	0
Товарищ прокурора	4	15	0	0
Итого	38	96	10	6

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 3 об. –4 об.; Д. 903. Л. 167 об.-168.

⁵⁷ Там же. Д. 902. Л. 67.

Таким образом, состав прокуратуры Кашинского окружного суда за 5 лет обновился почти четыре раза, состав следователей – почти три раза. «Даже в такой неподвижной должности, как члены суда, – отмечал Д.А. Скульский, – и то шла усиленная мобилизация»⁵⁸.

Частые перемещения мешали судебным чиновникам, обладавшим наиболее высоким среди государственных служащих уровнем образования, устанавливать прочные социально-культурные связи в местном обществе. Перспектива длительного пребывания в уездном городе пугала их. Очень точно эти ощущения переданы в мемуарах Скульского: «Впереди предстояло не ограниченное временем сидение в маленьком городке и медленный и верный процесс постепенного покрытия уездной плесенью ... Страх перед одной возможностью погрязнуть в уездной трясине, быть затянутым ею медленно и незаметно для себя – сам собой заползал в душу и будил в ней беспокойство»⁵⁹.

Отсутствие интереса и стремления к творческой или общественной деятельности порождали определенный образ жизни, при котором значительная часть времени растрачивалась впустую. По признанию Д.А. Скульского, он «знавал судебных следователей, которые даже газет не выписывали: – не думайте, что это непременно где-нибудь в глуши, где люди должны пить или дуться в карты: – нет, даже в бойких городах, где кругом жизнь ключом бьет... Чеховских героев обыкновенно заедает царящая вокруг пустота и пошлость: под влиянием их они сами опошляются, обайбачиваются, иногда спиваются. Те же герои, о которых я веду речь, – они сами распространяют пошлость и пустоту...»⁶⁰.

Принимая в расчет общественно-политические взгляды Д.А. Скульского, а также обстоятельства, в которых писались мемуары, можно предположить наличие тенденциозности, необъективности, излишней критичности автора. Действительно, источник содержит немало язвительных замечаний и негативных отзывов в отношении судебной системы, полиции, земских начальников и других местных чиновников, особенно из сферы прокурорского надзора. Однако выборочная проверка фактов, приведенных автором, сделанная на основе иных, независимых источников, подтвердила их достоверность. Таким образом, говорить можно только о наличии негативной эмоциональной окраски, предвзятом, субъективном отборе фактов, но не о их недостоверности. Обладая наблюдательностью и аналитическими способностями, Дмитрий Аркадьевич обращал внимание на наиболее проблемные «болевы точки» современной ему правоохранительной системы.

⁵⁸ Там же. Л. 86 об.

⁵⁹ Там же. Д. 903. Л. 149 об.–153.

⁶⁰ Там же. Л. 13 об–14 об.

**TO THE QUESTION ABOUT THE FUNCTION OF LAW
ENFORCEMENT ORGANS OF RUSSIA AT THE TURN OF XIX-XX
CENTURY (ACCORDING TO THE MEMOIRS D. A. SKULSKY ON
THE SERVICE IN THE TVER PROVINCE)**

T. I. Lubina

candidate of historical Sciences, Director of the state budgetary institution of the Moscow oblast «State archive of historical and political documents of the Moscow region»

S. N. Smirnov

candidate of legal Sciences, associate Professor of Department of theory of law, Director of the Institute of continuous education of the Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Tver state University»

The article is devoted to consideration of certain issues of law enforcement organs of Russia in the late XIX–XX century, including departmental interaction and service offences civil servants on the example of the Tver province, based on the memoirs D. A. Skulsky.

Keywords: *memories, Tver province, judicial office, investigators, prosecutors, notaries.*

Об авторах:

ЛЮБИНА Татьяна Ивановна – канд. ист. наук, директор Государственного архива историко-политических документов Московской области (141240, Московская обл., г. Пушкино, мкрн. Мамонтовка, ул. Пионерская, 15) email: tvigo2007@mail.ru

LUBINA Tatyana - candidate of historical sciences, director of the State Archive of historical and political documents of the Moscow Region (141240, Moscow Region., Pushkin, md. Mamontovka st. Pioneer, 15) email: tvigo2007@mail.ru

СМИРНОВ Сергей Николаевич – канд. юр. наук, доцент кафедры теории права, директор Института непрерывного образования Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), email: smirnov-sn@yandex.ru

SMIRNOV Sergey - PhD, Associate Professor of Theory of Law, Director of the Institute of Continuing Education in Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), email: smirnov-sn@yandex.ru

Любина Т.И., Смирнов С.Н. К вопросу о функционировании правоохранительных органов России на рубеже XIX –XX веков (по воспоминаниям Д.А. Скульского о службе в Тверской губернии) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 1. С. 140 – 155.